

ИДЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИНТЕРПРЕТАЦИИ НАУЧНО- ТЕХНИЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

В. АГАФОНОВ, Р. ХАСБУЛАТОВ

Успехи реального социализма тем более знаменательны, что они осуществляются на фоне глубокого кризиса мирового капитализма, его духовной деградации, все большего осознания исторической обреченности эксплуататорского строя. Все это усиливает притягательность социализма, революционных идей марксизма-ленинизма. Такое развитие событий, объективно поставившее в повестку дня практически вопрос об исторических границах существования капитализма как мировой системы, усиливает идеологическое противоборство двух мировых общественных систем, делает настоятельной необходимостью аргументированного разоблачения новейших мифов буржуазной пропаганды, направленных против научного коммунизма, уроков Октября, величайших достижений советского народа и других народов стран социалистического содружества. Товарищ Л. И. Брежнев в Отчетном докладе ЦК КПСС XXV съезду партии подчеркивал, что «положительные сдвиги в мировой политике, разрядка создают благоприятные возможности для широкого распространения идей социализма. Но, с другой стороны, идейное противоборство двух систем становится более активным, империалистическая пропаганда — более изощренной».

Одно из влиятельных направлений в идеологических концепциях Запада, которое занимает все более видное место в общей системе буржуазной пропаганды, связано с попытками использования новых явлений и процессов, порождаемых научно-технической революцией, идейной борьбе против марксизма-ленинизма.

Как известно, только в условиях социализма научно-техническая революция обретает верное, отвечающее интересам человека и общества направление. Что касается научно-технической революции в условиях современного капитализма, то здесь ее развитие идет в весьма противоречивых формах.

Научно-техническая революция оказывает глубокое воздействие на все стороны жизни капиталистического общества: экономику, политику, идеологию, социальную структуру, труд, классовую борьбу, образ жизни и представления сотен миллионов людей. Она ведет к принципиальным изменениям в отношениях между человеком и средой.

ствами производства, в функциях и роли рабочей силы в производственном процессе, подготавливает материальную основу для изменения форм собственности в буржуазном обществе. Научно-техническая революция ускоряет развитие производительных сил и в то же время вызывает дальнейшее обострение глубинных противоречий в производственных отношениях, ускоряет движение капиталистического строя к социальной революции.

На этой базе рождаются различные взгляды по вопросам взаимоотношений между наукой, техникой, человеком и обществом, между научно-технической и социальной сторонами в общественном процессе. Речь, по существу, идет о действительных, подлинных возможностях современной науки и иллюзиях, порожденных ее успешным применением в самых различных видах и формах человеческой деятельности, и в связи с этим о разнообразных попытках создания культуры науки и техники, об их фетишизации. С одной стороны, развиваются идеи о спасительных, «мессианских» возможностях науки и техники, а с другой — об их разрушительных, «демонических» возможностях. Своеобразной методологической основой этих представлений служит концепция технологического детерминизма, согласно которой изменения в науке и технике будто бы автоматически обуславливают весь комплекс социальных изменений. Решающими здесь являются два постулата: во-первых, что развитие общества всецело определяется состоянием технических основ производства и уровнем потребления; во-вторых, что отношения собственности не играют при этом существенной роли.

Эта концепция нашла свое выражение в технократизме, который начал оформляться как течение общественной мысли еще в начале нашего века. Очень скоро он стал подвергаться острой критике со стороны наиболее дальновидных социологов Запада. Так, известный французский ученый Г. Фридман совершенно справедливо обвинял технократизм в том, что последний не принимает в расчет социальных условий производства при капитализме, делая упор на факторы технико-организационные. Но сам Фридман, хотя и более тонко, проводил нередко те же идеи, сближая последствия развития автоматизации при капитализме и при социализме. Признанный «отец» технократии Говард Скотт считал, что техника в состоянии решить все проблемы, связанные с производством и распределением. «Технократы» разработали даже свой проект перестройки территориального административного устройства государства на основе системы экономических районов, управляемых специалистами — инженерами, наделенными широкими правами, с контролирующим их деятельность «единым техническим управлением». Живые люди рассматривались при этом только как объекты управления. Технократизм еще на самом раннем этапе развития достаточно полно проявил свои антидемократические и антигуманные тенденции.

После второй мировой войны в условиях развертывания научно-технической революции техницизм вообще и технократизм в частности обретают в буржуазной литературе особую популярность. В условиях, когда наука и техника зримо демонстрируют свои могучие достижения, доктрина технологического детерминизма в несколько подновленном варианте оказалась наиболее притягательной. Именно в этот период в ряде стран Западной Европы и США выходят работы, пытающиеся дать анализ индустриального или «технократического общества» (Г. Фрейер. Всемирная история Европы, 1948; Ж. Фурастье. Большая надежда XX века, 1958; П. Дракер. Новое общество. Анатомия ин-

дустриального строя, 1949; У. Росту. Стадии экономического роста (1960; Р. Арон. Индустриальное общество, 1959, и др.). Во всех этих работах довольно зримо выступает старая и не удавшаяся в свое время попытка обосновать положение, что социализм — своего рода историческая случайность, якобы закономерно сметаемая грядущим технологическим (новым индустриальным, постиндустриальным, постцивилизированным и т. д.) обществом, в то время как последнее, развиваясь на капиталистическом базисе, обеспечивает-де динамический рост, гармонизацию общественных отношений, ликвидирует существующие противоречия и антагонизмы. Технологическое направление поисков буржуазной общественной мысли получило большое распространение и в силу того, что оно вобрало в себя многие имевшиеся налицо «рациональные», с точки зрения интересов господствующего класса, элементы западных учений об обществе и оказалось органически совместимым с теориями «народного» капитализма, социального рыночного хозяйства, стадий экономического роста, технотронной цивилизации... Позиция технологического детерминизма позволяет в достаточно широких и неопределенных рамках вмещать самые различные, подчас противоречивые идеи, концептуальные подходы, взгляды, суждения и пр.

Уже в первые послевоенные годы наблюдаются попытки модернизировать и углубить различные концепции, основанные на абсолютизации роли науки и техники в обществе. Сушность, однако, оставалась той же. Американский социолог Лесли Уайт писал, например: «Социальные системы по своей действительной сущности — явления второго порядка и зависят от технологической системы». По Уайту, они являются функциями технологической системы: технология — независимая величина, социальная система — величина зависимая. Отсюда делался вывод, что «социальная система определяется системой технологической» (L. White. The Science of Culture. N. Y., 1949, p. 365). Иначе говоря, источником негативных явлений объявлялся не капитализм с его иррациональными общественными отношениями, обуславливающими «издержки» технического прогресса, а техника, определяющая характер социальных систем.

Исходя из принципов технологического детерминизма сформировалась и теория индустриального общества. Надо отметить, что сам термин «индустриальное общество» отнюдь не является новым. Впервые он был введен в научный оборот еще А. Сен-Симоном. Позже это понятие фигурировало в работах А. Токвиля, О. Конта, Г. Спенсера, М. Вебера. Данное обстоятельство используется империалистическими идеологами в спекулятивных целях. Они пытаются показать историческую преемственность концепций индустриализма и постиндустриализма.

Существует большое количество всевозможных названий и определений, обозначающих различные разновидности концепции технологического детерминизма. Наиболее распространенными среди них являются: технологическое общество (автор термина Ж. Эллюль), техническое общество (Э. Фромм), новое индустриальное общество (Дж. Гэлбрейт), постиндустриальное общество (Д. Белл), технотронная эра (З. Бжезинский), постбуржуазное общество (Д. Лихтгейм), постмодернизационное (А. Этциони), посткапиталистическое общество (Р. Дарендорф) и т. д. Буржуазный идеологический рынок предлагает самодельный набор всевозможных теориек для того, чтобы каждый может взять себе на вооружение ту из них, которая больше его устраи-

В литературе у нас обычно противопоставляют два взгляда на научно-технический прогресс в буржуазной социологической мысли: пессимистический и оптимистический. Различия между ними, конечно, существуют. Однако оба направления роднит нечто общее — они равно исходят из абсолютизации научно-технических факторов в общественной жизни.

Большинство представителей концепции технологического детерминизма, будь то «оптимисты» или «пессимисты», в своих рассуждениях приходит к выводу об усилении технократических начал по мере продвижения современного общества от «индустриального» к «постиндустриальному». Эта версия, как известно, находилась в основе «революции менеджеров» Дж. Бернхэма, «техноструктуры» Дж. Гэлбрейта, «меритократии» Д. Белла и т. д. Эти идеи «причастны» и к нарождающейся ныне на Западе концепции «социальной ответственности бизнеса». В их основу кладется старая технократическая идея, сформулированная Т. Вебленом: основной революционный класс составляют инженеры производства — генеральный штаб индустриальной системы.

Ж. Эллюль считает, что в индустриальном обществе рост техники идет рука об руку с усилением государственной власти. Если поначалу эти структуры развивались параллельно, то теперь они все больше сближаются и уже не могут существовать друг без друга. Техника стала условием и орудием всякой политики, а государственная власть — основой гарантии технического прогресса. Так что отношения собственности, классовые интересы здесь ни при чем: и капиталист и безработный, по Эллюлю, в равной степени чувствуют себя весьма неуютно в этом «техническом обществе». Но вместе с тем опять-таки провозглашается, что человек, если он не хочет умереть от нищеты, обречен терпеть «техническое рабство». «Революция против технического общества... предполагает ослабление эффективности во всех областях (прибыли, производительности, адаптации, интеграции), уменьшение индивидуального благосостояния, свертывание великих общественных проектов и постепенное исчезновение массовой культуры. Не нужно строить никаких иллюзий: если мы не готовы заплатить эту цену..., мы не готовы к той единственной революции, которая необходима в наши дни» (*J. Ellul. Autopsie de la révolution. Paris, 1969, p. 329*).

И, следовательно, будущая революция, которую Эллюль усматривал в «уничтожении» нынешних структур, техники и государства, остается чисто абстрактным, утопическим пожеланием. Вот и весь «пессимизм в действии» Ж. Эллюля, смысл которого сводится к противопоставлению социальной революции — революции научно-технической, к заупреждению социальной революцией масс.

Х. Альфен также утверждает, что силы, вызываемые техническим прогрессом, находятся в руках менеджеров и политиков, которые приобретают огромное влияние на общество, что «создает реальную технократическую угрозу для демократии» (*«Impact of Science on Soc». Paris, 1972, vol. 22, № 1/2, p. 88*). А по мнению Д. Дугласа, большинство американских ученых «уже пришло к сознанию необходимости определенной формы тирании и невозможности человеческой свободы. Спор идет лишь о том, какой вид тирании лучше» (*J. D. Douglas. Freedom and Tyranny: Social Problems in a Technological Society. N. Y., 1970, p. 13*).

В современных условиях различные индустриалистско-техницистические и технократические идеи в целом, несмотря на свое кажущееся разнообразие, оформились в более или менее единое направление.

«гуманистическое планирование», учитывающее индивидуальность человека; второе направление — это внедрение «гуманистического менеджмента», активизирующего и высвобождающего «человеческую энергию»; третье направление — гуманизация потребления, изменение характера рекламы, переориентировка производства, введение «ежегодной гарантированной зарплаты» и т. д.; четвертое направление — появление новых форм духовной ориентации и новых объектов для поклонения. Они, по Фромму, появятся в индустриальном обществе тогда, когда «омертвляющая бюрократия, неестественное потребление и манипулируемое равнодушие к жизни будут теснены надеждой... если человек вновь поверит в себя, а все люди будут спонтанно общаться друг с другом...» (op. cit., p. 144—145).

Э. Фромм, как и О. Тоффлер, Ж. Фурастье и др., не может (и не желает) понять, что все эти розовые надежды при капитализме неосуществимы, что для их реализации нужны радикальные социальные, экономические и политические преобразования.

Утопичны и высказывания Фромма о том, что «совершенствованная жизнь» можно осуществить якобы через создание новых общественных институтов в масштабе всей страны: Национального совета, олицетворяющего собой «голос американского сознания», «местных советов «клубов», состоящих из отдельных «групп», и т. д. «Клубы», согласно концепции Фромма, и должны стать основой массового движения американского народа, своеобразной первичной ячейкой постиндустриального общества. Таким образом, тут речь идет в лучшем случае только о тех или иных реформах в административном управлении, совершенствовании техники манипулирования сознанием трудящихся ма-

Несмотря на многочисленные факты, свидетельствующие, что в современном капиталистическом обществе необычайно сильно обостряются классовые противоречия и антагонизмы, техницистские воззрения либо отрицают эти процессы, либо пытаются интерпретировать их с иных, облегченных позиций. «Мы преодолели классовую борьбу в период конца XIX — начала XX века не филантропией, — пишет П. Дракер, —...классовая война была преодолена, в первую очередь, благодаря образованию, которое дало возможность постоянно преодолевать бедность, выходящую из класса, и принадлежность к которому они были приговорены марксистской идеологией. Но главную роль в преодолении классовой войны сыграла новая организация труда Фредерика Тэйлора...» (P. Drucker. The Age of Discontinuity. Guidelines to Our Changing Society. N. Y., 1968, p. 120).

О «снятии» основного противоречия капитализма пытаются говорить и другие видные представители буржуазной науки. Э. Винер: «Смещение волнующих человека интересов в область постиндустриальной культуры приведет к снятию социальной и политической напряженности, которые вызвали в прошлом кризисы и насилия» (A. Wiener. The Prospects for Mankind and a Year 2000 Ideology. N. Y., 1972, p. 26).

В своих рассуждениях приверженцы концепции технологического детерминизма утверждают, что в современных условиях классические экономические категории не отражают уже существующих общественных отношений и, следовательно, не в состоянии характеризовать положение человека и т. д. Некоторые из них считают, что деньги, заработная плата, прибыль, рента — все это не является выражением производственных отношений, отвергают существование прибавочной стоимости и эксплуатации труда капиталом. Ведь, с их точки зрения, ос-

Propriety of the Erich Fromm Document Center. For personal use only. Citation or publication of material prohibited without express written permission of the copyright holder.

Eigentum des Erich Fromm Dokumentationszentrums. Nutzung nur für persönliche Zwecke. Veröffentlichungen - auch von Teilen - bedürfen der schriftlichen Erlaubnis des Rechteinhabers.

Новая цель внедрения в производство достижений научно-технической революции — это повышение жизненного уровня и покупательной способности людей, что, в свою очередь, ведет к автоматическому разрешению противоречия между производством и потреблением, спросом и предложением.

Разделяя принципиальные идеи технологического детерминизма, Ж. Фурастье делает попытки углубить несколько прямолинейный подход своих предшественников к трактовке технических факторов в общественном развитии. Например, отношения между технической и социальной сторонами им рассматриваются уже не с точки зрения примата техники, а как их сложное взаимодействие — по схеме, предлагаемой «социологической концепцией факторов» (экономика, политика, техника и пр.). В соответствии с таким подходом воздействие всех факторов на общество полностью уравнивается и речь идет, по существу, о выявлении тех или иных связей, соотношений и т. д. Так, по мысли Фурастье, развиваемой в книге «Большая надежда XX века», социальный прогресс является не следствием, но причиной прогресса экономического. Экономический же прогресс, в свою очередь, является следствием технического прогресса.

Наука, утверждает Фурастье в книге «Открытое письмо четырем миллиардам людей», разрушила прежние всеохватывающие философские и религиозные доктрины, но не дала взамен равноценного по охвату синтеза. Индустриальное общество культивировало один способ, одну форму контакта с миром — экспериментальное знание и основанное на нем техническое преобразование. Но человеку этого недостаточно. В силу этого, по Фурастье, основной конфликт нашей эпохи развертывается «между современным экспериментальным методом восприятия и традиционным типом мышления, эмоциональным, артистическим, аффектным» (*J. Fourastié. Lettre ouverte à quatre milliards d'hommes. Paris, 1970, p. 25*). Постиндустриальное общество, по мысли Фурастье, должно явиться возвращением от преходящих условий и потребностей индустриальной экспансии к вечным потребностям и условиям человеческого существования. Выправить эти деформации и создать новую гармонию — призвание постиндустриального общества. Вместе с тем последнее не может отказаться от машинной техники, приостановить создание и расширение «технической среды». Существующая сейчас регламентация труда, соответственно, будет все более возрастать, углубляя анонимность социальных и производственных процессов, нивелировку и униформу. Но, однако, эти тенденции, по мнению Фурастье, имеющие индустриальный характер, постепенно будут нейтрализованы и перекрыты другими, собственно постиндустриальными тенденциями. Так обосновывает Фурастье свой «технологический оптимизм», приходящий в неумолимое столкновение с его же социальным пессимизмом.

Подчеркивая первостепенное значение теоретического знания в формировании постиндустриального общества, известный буржуазный идеолог Д. Белл пишет, что оно (значение) все больше становится стратегическим ресурсом, «осевым принципом» происходящих изменений, независимо от социального строя. В результате возникает новая «интеллектуальная технология» — важнейшая качественная характеристика постиндустриального общества, основанного на усовершенствованных моделях ЭВМ, способных упорядочить современное «массовое» общество путем замены интуитивных суждений в сфере принятия политических и социальных решений соответствующими алгоритмами. (см. *Daniel Bell. The Coming of Post-Industrial Society. A Venture in Social Forecasting. N. Y., 1973, p. 29—30*). Причем указанные черты по-

стиндустриального общества, по Беллу, имеют всеобщий характер и в равной степени относятся как к капиталистическим, так и к социалистическим странам, поскольку они формируются (независимо от воли и сознания человека) уровнем развития науки и техники. «Глобальный подход свойствен и работе Белла «Культурные противоречия капитализма» (см. Daniel Bell. The Cultural Contradictions of Capitalism. N. Y., 1976) в которой он пытается перенести противоречия капиталистического общества на социалистический мир.

На противопоставлении технического прогресса социальному и экономическому, регионального — глобальному, а национального — интернациональному строятся ныне буржуазные теории и концепции, предлагающие выход из «экологического кризиса», кризиса международных отношений, энергетического и топливного кризиса и т. д. В частности, такой подход характеризуют доклады так называемого Римского клуба.

Большинство современных представителей технологического детерминизма, игнорирующих объективные законы общественного развития, как правило, объединяют различного рода попытки разработать для всех «людей технического века» единые этические нормы и ценности. Именно этим вопросам и был посвящен четвертый доклад Римскому клубу «Цели для человечества», выполненный под руководством крупного американского специалиста Э. Ласло. В этом докладе авторы утверждают, что социальные условия играют не меньшую роль, чем технические, естественные и прочие факторы. Но под «социальными условиями» подразумеваются лишь определенные намерения, мотивы и цели людей и их групп. От них якобы целиком зависит решение глобальных проблем.

В настоящее время мощный арсенал империалистической пропаганды осуществляет «тотальную» пропаганду «катастрофических» идей и положений докладов Римскому клубу. В немалой степени успешная реклама этих работ обусловлена и тем, что их появление на свет совпало с циклическим кризисом капиталистической экономики, необычайно углубившимся в результате переплетения частичных, промежуточных кризисов, а также энергетического и валютно-финансового кризиса, кризиса международных, торгово-экономических и политических отношений и т. д. В таких условиях предложения о замедлении темпов экономического роста, увековечивании неокOLONIALИСТСКОГО международного разделения труда служат как бы прелюдией к многочисленным выступлениям ученых и специалистов, общественных и государственных деятелей, газетным и журнальным обзорениям, телевизионным шоу, имеющим одну направленность: запугать человека, посеять страх и уныние, безнадежную, смертельную тоску, доказать ему, что сегодняшние его беды и трудности — это почти ничто по сравнению с тем, что ждет человечество в недалеком будущем в результате ускорения научно-технического прогресса, нарушения экологического равновесия, истощения ресурсов, «неконтролируемых» изменений в международных отношениях и др. С другой стороны, эти идеи служат «теоретическому» обоснованию необходимости консолидации сил империализма в его противоборстве с силами мира, социализма и прогресса.

В том обстоятельстве, что буржуазная общественная мысль в последние десятилетия явно поднимает на щит материально-технические факторы жизни общества, некоторые авторы на Западе хотят видеть «марксистскую тенденцию». Стало модным даже со стороны «респек-

ных» идеологов империализма рядиться в марксистские одежды и провозгласить «Капитал», правда, с известными оговорками, которые, по правилу, извращают существо дела. Мировоззрение техницизма, ссылающееся, как мы видели, многие современные социологические концепции, часто сопоставляется с марксистским представлением о производительных силах и, в частности, техники в развитии обще-

Однако на самом деле марксизм ничего общего с техницизмом не имеет. Диалектический материализм не придает науке и технике никакой самостоятельной, автономной, «демонической» роли, рассматривая их всегда лишь как орудия и средства общественной деятельности, как орудия и средства классового господства в капиталистическом обществе. Наука и техника на службе монополистического капитала содействуют целям эксплуатации трудящихся, выжимания максимальных прибылей. Наука и техника в условиях социализма служат интересам трудящихся, способствуют росту их материального и духовного богатства.

По мере того, как буржуазная общественная мысль сознает новые исторические реальности, порожденные научно-технической революцией, она призывает к реформированию сложившихся общественных институтов, к реконструкции сознания, «смене парадигм мышления», переосмыслению традиционного характера взаимоотношений между человеком и техникой. При этом предполагаются неизменными общественные, экономические отношения капиталистического строя. В этом проявляется реакционная сущность технологического детерминизма, считающего им отжившего свой век и обреченного на гибель эксплуататорского строя.

Жизнь убедительно подтверждает верность марксистско-ленинского анализа особенностей и тенденций современного капитализма. Коммунисты, — говорил товарищ Л. И. Брежнев на XXV съезде партии, — далеки от того, чтобы предрекать «автоматический крах» капитализма. У него есть еще немалые резервы. Однако события последних лет с новой силой подтверждают, что капитализм — это общество, лишённое будущего».

Propriety of the Erich Fromm Document Center. For personal use only. Citation or publication of material prohibited without express written permission of the copyright holder.
 Eigentum des Erich Fromm Dokumentenzentrums. Nachdruck und Verbreitung sind ohne schriftliche Genehmigung des Erich Fromm Dokumentenzentrums.
 Veröffentlichungen – auch von Teilen – bedürfen der schriftlichen Erlaubnis des Rechteinhabers.

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

КОММУНИСТ

13

ОКТАБРЬ

1978

СЕНТЯБРЬ

and Khasbulatov, R., 1978 „Ideologicheskie interpretatsii nauchno-tekhnicheskoy revoliutsii“
 [Ideological Interpretations of the Scientific-Technological Revolution].